

Чернова Дарья Алексеевна

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКИ НЕОДНОЗНАЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
АДЪЮНКТ ПРИ СЛОЖНОЙ ИМЕННОЙ ГРУППЕ**

В статье рассматривается проблема неоднозначности при синтаксическом анализе в процессе восприятия речи. Рассмотрены синтаксически неоднозначные конструкции с адъюнктом при сложной именной группе, представляющие интерес с точки зрения межъязыковых сопоставлений. Представлены результаты экспериментального исследования на материале русского языка: продемонстрирована роль ряда факторов, обуславливающих выбор той или иной интерпретации синтаксически неоднозначной конструкции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. II. С. 189-194. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'23

Филологические науки

В статье рассматривается проблема неоднозначности при синтаксическом анализе в процессе восприятия речи. Рассмотрены синтаксически неоднозначные конструкции с адьюнктом при сложной именной группе, представляющие интерес с точки зрения межъязыковых сопоставлений. Представлены результаты экспериментального исследования на материале русского языка: продемонстрирована роль ряда факторов, обуславливающих выбор той или иной интерпретации синтаксически неоднозначной конструкции.

Ключевые слова и фразы: синтаксическая неоднозначность; синтаксическая обработка; адьюнкт при сложной именной группе; причастный оборот; предложная группа.

Чернова Дарья Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

d.chernova@spbu.ru

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКИ НЕОДНОЗНАЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: АДЬЮНКТ ПРИ СЛОЖНОЙ ИМЕННОЙ ГРУППЕ[©]**

Поддержано грантом СПбГУ 0.38.518.2013
«Когнитивные механизмы преодоления информационной многозначности».

Введение

Предложения, в которых отношения между словами могут быть интерпретированы несколькими различными способами, являются синтаксически неоднозначными. Неоднозначность может быть вызвана возможностью отнесения зависимого компонента к нескольким главным (*Требовали заместителя директора, уехавшего в командировку*), возможностью различной разметки синтаксических связей (*Преследование тигра закончилось неудачей*), возможностью разного объединения слов в составляющие (*новые книги и тетради*) [1, с. 111].

Таким образом, при синтаксической неоднозначности одной и той же линейной цепочке словоформ может быть приписано несколько разных структур и, соответственно, несколько разных интерпретаций: «Не остается никаких внешних признаков, с помощью которых можно было бы отличить одну форму словосочетания от другой: слова и формы одинаковы, порядок слов одинаков, ритм и интонация одинаковы или, по крайней мере, могут быть одинаковыми. Спрашивается, как же могут разные значения одного и того же словосочетания дойти до слушающего, если говорящий не позаботился о том, чтобы выразить эти значения какими-то средствами?» [3, с. 45]. Изучение особенностей обработки таких предложений носителями языка дает возможность выявить закономерности, на основе которых слушающий или читающий проводит синтаксический анализ при восприятии речи.

Одним из частных случаев синтаксической неоднозначности является конструкция, при которой зависимый компонент может относиться к одному из существительных в сложной именной группе (*Доклад ученого, о котором я вам говорил*). Этот тип неоднозначных конструкций встречается во многих языках мира, в том числе языках индоевропейской, семитской, алтайской и ряда других языковых семей, однако интерпретация таких конструкций носителями разных языков различна. Так, в ряде языков, например в испанском, французском, итальянском, нидерландском, немецком, польском, хорватском, греческом, японском, зависимый компонент (относительное придаточное предложение) чаще интерпретируется как относящийся к первому существительному (так называемое раннее закрытие, далее – РЗ), а в ряде других языков, например в английском, норвежском, шведском, румынском, португальском, арабском, – ко второму (так называемое позднее закрытие, далее – ПЗ) [9, р. 880]. Вопрос о причинах такого разделения остается открытым. Для русского языка на материале конструкций с относительным придаточным предложением получены некоторые данные о предпочтении РЗ [2; 5; 14]: по результатам опросников и экспериментов с регулировкой скорости чтения был сделан вывод о том, что адьюнкт, выраженный относительным придаточным предложением, чаще относится к вершине именной группы: предложение *Кто-то застрелил служанку актрисы, которая стояла на балконе* чаще интерпретируется носителем русского языка как «на балконе стояла служанка».

Выделяется ряд факторов, на основании которых при интерпретации синтаксически неоднозначной конструкции может быть принято то или иное решение, в частности:

1) принцип позднего закрытия, или предпочтения последнего [11, р. 298], связанный с экономией усилий (ресурсов рабочей памяти): при возможности отнесения вновь поступившей информации к нескольким фрагментам, она должна быть связана с ближайшим, т.е. самым последним обработанным фрагментом, поскольку именно он является наиболее активированным в мозгу;

2) принцип близости к предикату [12, р. 63], связанный с более сильной активацией в дискурсе тех имен, которые являются аргументами предиката, соответственно, вершина именной группы является более активированной, чем зависимая именная группа, а значит, именно к ней должен относиться адьюнкт;

3) принцип антигравитации [10], связанный с просодическим членением фразы: длинные, или «просодически тяжелые», адьюнкты не могут относиться к только одному, последнему имени, а должны относиться ко всей именной группе в целом, в то время как короткие, или «просодически легкие», относятся к последнему имени, не отделяясь от него паузой.

Предпочтение к типу закрытия может быть обусловлено и типом самого адьюнкта. Например, Барбара Хемфорт и коллеги [13] обратили внимание, что в немецком языке неоднозначность в предложениях типа (1), с придаточным, разрешается иначе, чем в предложениях типа (2), с предложной группой.

(1) *Die Tochter der Lehrerin die aus Deutschland kam traf John.* /

Дочь учительницы, которая приехала из Германии, встретила Джона

(2) *Die Tochter der Lehrerin aus Deutschland traf John.* /

Дочь учительницы из Германии встретила Джона.

В предложении (1) существует тенденция к раннему закрытию (чаще интерпретируется как «из Германии приехала дочь»), в то время как в предложении (2) – позднему (чаще интерпретируется как «из Германии приехала учительница»). На базе этих данных Хемфорт и коллеги сформулировали гипотезу анафорического разрешения, суть которой заключается в том, что относительное местоимение в придаточном предложении запускает поиск антецедента, а наиболее подходящим кандидатом на роль антецедента местоимения является наиболее дискурсивно выделенное слово, то есть вершина именной группы. В случае же, когда адьюнкт выражен предложной группой, этот фактор не действует, поэтому предложение интерпретируется в соответствии с принципом позднего закрытия. Таким образом, фактор, связанный с разрешением анафоры, будет действовать для придаточных предложений, но не для зависимых компонентов других типов.

В данном исследовании предпринята попытка рассмотреть закономерности интерпретации предложений адьюнктом, выраженным причастным оборотом или предложной группой, при сложной именной группе. Во-первых, эти конструкции не содержат анафору, а следовательно, дают возможность рассматривать собственно синтаксические процессы отдельно от процессов, связанных с анафорическим разрешением. Во-вторых, особенности словоизменения русских причастий, а именно их согласование по роду, числу и падежу с определяемым словом, позволяют сопоставить интерпретацию неоднозначных предложений и предложений с разрешенной неоднозначностью, а значит, получить более полное представление о том, как используется морфологическая информация при синтаксической обработке. В-третьих, интерпретация причастных оборотов при сложной именной группе не изучалась ни на материале русского, ни на материале других языков, а интерпретация предложных групп при сложной именной группе не изучалась на материале русского языка, а на материале других языков изучалась крайне мало.

Экспериментальное исследование интерпретации предложений с причастным оборотом при сложной именной группе

При составлении стимульного материала для эксперимента мы учитывали факторы, которые могут влиять на процесс обработки и интерпретации рассматриваемых конструкций, в частности ряд грамматических и лексико-грамматических характеристик входящих в конструкцию слов, а также некоторые просодические характеристики предложения.

Среди 24 составленных нами стимульных предложений в 12 использовались существительные мужского рода (примеры 3, 4) и в 12 – женского рода (примеры 5, 6), использовались существительные как в форме единственного (пример 3), так и в форме множественного (пример 4) числа, оба существительных в сложной именной группе всегда совпадали по числу и роду.

(3) Свидетель упомянул **напарника водителя, вчера видевшего** это ограбление.

(4) На конкурс выдвинули **сотрудников институтов, недавно получивших** значительный грант.

(5) Церковь высказалась против **повестей писательниц, недавно выдвинутых** на премию «Букер».

(6) Эксперт разбирался в **фотографиях находок, много лет хранившихся** в городском музее.

Важную роль в интерпретации синтаксических отношений может играть лексико-грамматическая категория одушевленности [9]. С учетом этого фактора было составлено по восемь предложений в каждой из четырех возможных комбинаций: сочетание двух одушевленных имен (пример 3), одушевленного с неодушевленным (пример 4), неодушевленного с одушевленным (пример 5) и двух неодушевленных (пример 6).

Длина причастных оборотов во всех стимульных предложениях была одинаковой (12-13 слогов).

Для того чтобы описать процесс обработки неоднозначных конструкций, нужно, чтобы вероятность каждой из интерпретаций была одинакова с точки зрения прагматики: например, что в доме неподалеку с приблизительно одинаковой вероятностью может жить как служанка, так и графиня, что в музее могут храниться как сами находки, так и их фотографии и т.д. С этой целью был проведен вспомогательный эксперимент, в котором использовалась методика шкалирования. В нем приняло участие 32 носителя русского языка в возрасте от 20 до 35 лет, не участвовавшие в основном эксперименте. Испытуемым предлагалось по четырехбалльной шкале (0 – *очень плохо, никуда не годится*, 1 – *неестественно, скорее плохо*, 2 – *естественно, скорее хорошо*, 3 – *совершенно естественно, абсолютно приемлемо*) оценить естественность предложений типа (7) и (8), отражающих интерпретацию примера типа (6).

(7) В музее хранились фотографии.

(8) В музее хранились находки.

Первой группе испытуемых предъявлялись предложения типа (7), второй группе – предложения типа (8), таким образом, каждую из интерпретаций оценили 16 человек. Отсутствие статистически значимой разницы между средними баллами для каждого из стимульных предложений, а также отсутствие корреляции этих данных с данными, полученными в ходе последующих основных экспериментов, дает возможность утверждать, что оба прочтения имеют приблизительно одинаковую вероятность, а значит, выбор интерпретации будет обусловлен не лексико-семантическими, а иными причинами.

Эксперимент проводился в электронной форме, с помощью сервиса *webanketa.com*.

Испытуемым была дана инструкция читать предложения и отвечать на вопросы по их содержанию.

Было составлено три экспериментальных листа, в каждом из которых стимульные предложения предъявлялись в одном из трех условий: неоднозначном (пример 9а), в условии РЗ (пример 9б) или в условии ПЗ (пример 9в). Неоднозначность снималась морфологическими средствами без изменения лексического наполнения изучаемой конструкции и с минимальными изменениями в других частях предложения: в неоднозначном условии первое существительное в сложной именной группе стояло в падеже, формы причастия которого омонимичны форме причастия родительного падежа, в остальных условиях первое существительное стояло в падеже, формы причастия которого не совпадают с формой родительного падежа.

(9а) На улице я столкнулся **со служанкой графини, много лет жившей** в доме неподалеку.

(9б) На улице я встретил **служанку графини, много лет жившую** в доме неподалеку.

(9в) На улице я встретил **служанку графини, много лет жившей** в доме неподалеку.

Таким образом, в каждый протокол вошло 8 неоднозначных предложений, 8 предложений в условии РЗ и 8 предложений в условии ПЗ.

Предложение предъявлялось на экране монитора, испытуемый читал предложение, не будучи ограничен во времени, а дочитав, нажимал на кнопку, после чего предложение с экрана исчезало и появлялось задание продолжить фразу, связанное с интерпретацией неоднозначной конструкции, выбрав один из двух вариантов ответа, например (10):

(10) *В доме неподалеку жила... а) графиня б) служанка.*

Порядок следования вариантов ответа к заданиям для всех предложений был случайным.

Помимо 24 экспериментальных предложений, в анкету вошло 32 филлера типа (11), после каждого из филлеров следовало аналогичное задание продолжить фразу, при этом в качестве вариантов предлагалось два имени существительных, каждое из которых упоминалось в предложении, например:

(11) *Спектакль «Недоросль» по пьесе Фонвизина со стихами Юлия Кима воспринимался как политическая сатира.*

Автор пьесы – ... 1) Ким 2) Фонвизин.

Основная роль филлеров заключается в том, чтобы скрыть от испытуемого цель эксперимента и отвлечь его внимание от однотипных стимульных предложений потенциальной неоднозначности в стимульных предложениях (на задания к предложениям-филлерам всегда был только один правильный ответ). Кроме того, большое количество ошибок в ответах на задания к предложениям-филлерам свидетельствует о невнимательности испытуемого и, соответственно, о нецелесообразности учета его ответов на задания к интересующим нас экспериментальным предложениям.

В опросе приняло участие 60 испытуемых, носителей русского языка в возрасте от 18 до 35 лет, с высшим или неоконченным высшим образованием. Таким образом, было получено 480 реакций на неоднозначные предложения и по 480 реакций на предложения, в которых неоднозначность снята в пользу первого или второго имени соответственно.

Результаты

Соотношение ответов в неоднозначном условии оказалось следующим: 60,8% РЗ и 39,2% ПЗ. В ходе статистической обработки было выявлено, что это различие является статистически значимым: $\chi^2(17, 20) = 177,4$, $p < 0,001$. Таким образом, испытуемые значимо чаще относят зависимый компонент к первому имени, то есть к вершине именной группы.

Кроме того, выявлена зависимость распределения ответов от одушевленности первого имени в сложной именной группе. Однофакторный дисперсионный анализ показывает значимое влияние одушевленности первого имени как на выбор раннего закрытия ($F(3, 20) = 5,31$, $p = 0,007$), так и на выбор позднего закрытия ($F(3, 20) = 5,67$, $p = 0,006$). В парах, где существительные совпадают по одушевленности, значимо чаще выбирается раннее закрытие, что свидетельствует об общем предпочтении закрытия этого типа, однако в сочетаниях «одушевленное и неодушевленное» и «неодушевленное и одушевленное» причастный оборот значимо чаще относится к одушевленному имени.

Анализ ответов, полученных на задания к экспериментальным предложениям в однозначном условии, показал следующее. В этих ответах велик процент ошибок, при этом ошибочных интерпретаций предложений с поздним закрытием значимо больше ($\chi^2 = 10,855$, $p = 0,00098$), чем ошибочных интерпретаций предложений с ранним закрытием (иначе говоря, предложение типа (9в) ошибочно интерпретируют как «в доме жила служанка» примерно вдвое чаще, чем предложение типа (9б) ошибочно интерпретируют как «в доме жила графиня»). Это характерно для всех комбинаций существительных, за исключением сочетания неодушевленного существительного с одушевленным, где процент ошибок в интерпретации предложений с ранним и поздним закрытием примерно одинаков.

Обсуждение результатов

Полученные данные свидетельствуют о предпочтении РЗ при интерпретации конструкции с причастным оборотом при сложной именной группе в русском языке: именно такое прочтение чаще выбиралось в неоднозначном условии. Очень высокий процент ошибок в интерпретации предложений со снятой неоднозначностью не только говорит о повышенной трудности грамматической обработки рассматриваемой конструкции, но и еще раз подтверждает приоритет РЗ: предложения с ПЗ неверно интерпретируются значительно чаще. Таким образом, действие общей стратегии соотносить адъюнкты с вершиной именной группы, оказывается настолько сильным, что в случае, если закодированная во флексиях морфологическая информация (в данном случае информация о падеже) свидетельствует о ПЗ, эта информация часто игнорируется, что приводит к ошибочной интерпретации предложений с ПЗ как предложений с РЗ. Трудность операции согласования для постпозитивных адъективных словоформ отмечается и для речепорождения, например, как пишет М. В. Русакова, «рассогласование с существительным адъективных словоформ, стоящих в постпозиции, является событием регулярным, а отнюдь не уникальным» [4, с. 339], при этом «провоцирует сбой дистантное расположение адъективной словоформы по отношению к существительному», поскольку «к тому моменту, когда говорящий осуществляет морфологическое оформление постпозитивной адъективной словоформы, он уже успевает “забыть” морфологические характеристики определяемого существительного» [Там же, с. 394]. Можно предположить аналогичное явление – вытеснение из рабочей памяти грамматических характеристик дистантно расположенного слова – и для восприятия речи. Если грамматические характеристики «стерты» из рабочей памяти, то опора при интерпретации идет на более предпочтительную в языке синтаксическую стратегию, то есть РЗ. Однако в случае, если существительные в сложной именной группе не совпадают по одушевленности, проявляется тенденция относить причастный оборот к одушевленному существительному.

Экспериментальное исследование интерпретации предложений с предложной группой при сложной именной группе

Другой тип адъюнктов при сложной именной группе – предложные группы. Как показано на материале немецкого языка [13], синтаксическая интерпретация предложных групп может отличаться от синтаксической интерпретации придаточных предложений, поэтому представляется целесообразным описать функционирование конструкций с адъюнктами разного типа.

Эксперимент 2

Для эксперимента по изучению интерпретации неоднозначных предложений с предложной группой при сложной именной группе было подобрано 12 стимульных предложений с предложной группой, примыкающей к сложной именной группе, таких, что по своей семантике предложная группа могла относиться как к первому, так и ко второму существительному. В половине предложений использовались существительные мужского рода (примеры 12, 14), в половине – женского рода (пример 13).

(12) *Свидетель упомянул **напарника водителя в форменной одежде**.*

(13) *На улице я столкнулся со **служанкой графини со вздорным характером**.*

Были представлены все комбинации одушевленного и неодушевленного имен в сложной именной группе (примеры 13, 14, 15, 16).

(14) *Старушки говорили об **исполнительнице песни с высоким рейтингом**.*

(15) *Критики восхищались **картиной художницы с оптимистичным настроем**.*

(16) *Спасатели с трудом добрались до **подвала монастыря с толстыми стенами**.*

Для того чтобы описать процесс обработки неоднозначных конструкций, необходимо подтвердить, что вероятность каждой из интерпретаций одинакова с точки зрения семантики.

С этой целью был проведен вспомогательный эксперимент, в котором использовалась методика шкалирования. В нем приняло участие 32 носителя русского языка в возрасте от 20 до 35 лет. Испытуемым предлагалось оценить по четырёхбалльной шкале (0 – *очень плохо, никуда не годится*, 1 – *неестественно, скорее плохо*, 2 – *естественно, скорее хорошо*, 3 – *совершенно естественно, абсолютно приемлемо*) естественность предложений типа (17) и (18), отражающих интерпретацию примера типа (13).

(17) *У служанки был **вздорный характер**.*

(18) *У графини был **вздорный характер**.*

Первой группе испытуемых предъявлялись предложения типа (17), второй группе – предложения типа (18), таким образом, каждую из интерпретаций оценили 16 человек. Отсутствие статистически значимой разницы между средними баллами для каждого из стимульных предложений, а также отсутствие корреляции этих данных с данными, полученными в ходе последующих основных экспериментов, дает возможность утверждать, что оба прочтения имеют приблизительно одинаковую вероятность, а значит, выбор интерпретации будет обусловлен не лексико-семантическими, а иными причинами.

Длина предложных групп во всех стимульных предложениях была одинаковой (6-7 слов).

Эксперимент проводился в электронной форме, с помощью сервиса *webanketa.com*.

Испытуемым была дана инструкция читать предложения и отвечать на вопросы по их содержанию.

Предложение предъявлялось на экране монитора, после нажатия кнопки предложение исчезало и появлялось задание. После каждого предложения следовало задание продолжить фразу, связанное с интерпретацией неоднозначной конструкции, например (19):

(19) *Вздорный характер был у ... а) графини б) служанки.*

Порядок следования вариантов ответа был случайным.

Помимо 12 экспериментальных предложений, в анкету вошло 24 филлера типа (20а), после каждого из филлеров также следовало задание продолжить фразу, а в качестве вариантов предлагалось два имени существительных, каждое из которых упоминалось в предложении, например (20б):

(20а) *Он вытащил из кармана перочинный нож и нарезал листок бумаги на тонкие полоски;*

(20б) *Он вытащил из кармана... а) листок бумаги б) перочинный нож.*

В опросе приняло участие 85 испытуемых, носителей русского языка в возрасте от 18 до 35 лет, с высшим или неоконченным высшим образованием.

Результаты

Анализ ответов показал, что ответы распределены на случайном уровне, выраженного предпочтения того или иного варианта не наблюдается (49,8% и 50,2% соответственно). Отсутствует также влияние фактора одушевленности входящих в конструкцию имен.

Обсуждение результатов

Итак, выявленная для относительных придаточных предложений и причастных оборотов тенденция к РЗ не проявляется для предложных групп, что может быть вызвано различными причинами:

- 1) нет никаких стратегий, и выбор действительно случаен;
- 2) имеет место конкуренция факторов, например общая тенденция к РЗ и тенденция относить короткий адьюнкт к ближайшему (зависимому имени) – с меньшим числом слогов в предложной группе по сравнению с причастным оборотом и относительным придаточным).

Для уточнения действия этого фактора необходим дополнительный эксперимент с сопоставлением особенностей обработки длинных и коротких предложных групп. В случае если длинные предложные группы будут интерпретироваться так же, как и короткие, то подтвердится предположение о случайности выбора интерпретации адьюнктов такого типа. В случае же если будут обнаружены отличия, то можно будет сделать вывод о влиянии на интерпретацию фактора длины составляющей (просодического фактора).

Эксперимент 3

С целью уточнения данных, полученных в эксперименте 2, был проведен еще один эксперимент, в котором проверялась роль длины адьюнкта на интерпретацию предложения.

В пару к предложениям, использовавшимся в эксперименте 3, в которых за сложной именной группой следовала предложная группа длиной в 6-7 слогов (пример 21а), были составлены предложения с предложной группой, длина которой была в 1,5-2 раза больше, при этом изменения лексического состава были минимальными (пример 21б).

(21а) Свидетель упомянул напарника водителя в форменной одежде.

(21б) Свидетель упомянул напарника водителя в темно-зеленой форменной одежде.

Предложения были разнесены в два экспериментальных листа и предъявлялись в одном из двух условий – «длинном» или «коротком». В каждый экспериментальный лист вошло по 6 предложений в каждом условии. Дизайн эксперимента 3 полностью повторял дизайн эксперимента 2. В эксперименте приняло участие 36 испытуемых, носителей русского языка от 18 до 35 лет, с высшим или неоконченным высшим образованием, не принимавших участия в предыдущих экспериментах (по 18 испытуемых на экспериментальный лист). Таким образом, было получено 432 реакции на неоднозначные предложения с предложной группой при сложной именной группе.

В предложениях с «длинными» предложными группами было дано 140 (64,8%) ответов РЗ («невероятно вздорный характер был у служанки») и 76 (35,2%) ответов ПЗ («невероятно вздорный характер был у графини»). Как показала статистическая обработка, это отличие является статистически значимым ($\chi^2 = 9,69$, $p = 0,0025$).

В предложениях с «короткими» предложными группами соотношение ответов иное: 122 (56,5%) ответов РЗ и 94 (43,5%) ответа ПЗ. Как показала статистическая обработка, это отличие статистически значимым не является ($\chi^2 = 1,82$, $p = 0,2$).

Таким образом, в контекстах, когда предложная группа длиннее, чем определяемая сложная именная группа, адьюнкт значимо чаще относится к первому имени (снова подтверждается приоритет РЗ в русском языке), при уменьшении длины предложной группы различие «размывается», доля ПЗ-интерпретаций возрастает, и вероятность каждой из интерпретаций приближается к распределению 50/50. ПЗ-интерпретация никогда не преобладает.

Выводы

Согласно полученным экспериментальным данным, в русском языке встраивание адьюнктов в синтаксическое дерево идет под контролем не одного, а целого ряда факторов, что продемонстрировано на примере интерпретации адьюнктов различных типов.

Принципиальное значение при разрешении неоднозначности такого типа играет дискурсивный фактор. Вершина именной группы является более дискурсивно выделенной, чем зависимое имя, а одушевленное имя – более дискурсивно выделенным, чем неодушевленное [6, р. 60]. Именно поэтому мы наблюдаем общее предпочтение РЗ в конструкциях с причастным оборотом и одновременно тенденцию относить адьюнкт к одушевленному имени в случае, если имена не совпадают по одушевленности (что согласуется с данными, полученными на материале конструкций с относительным придаточным предложением при сложной именной группе). Сила этого предпочтения настолько велика, что вызывает многочисленные ошибки в интерпретации морфологической информации в предложениях с грамматически снятой неоднозначностью, то есть синтаксическая стратегия играет при грамматическом анализе предложения более важную роль, чем учет морфологических показателей (по крайней мере, падежных).

Другим существенным фактором, оказывающим влияние на синтаксический анализ предложения человеком, является просодический. Он играет роль даже при восприятии письменного текста, так как, согласно гипотезе имплицитной просодии [10, р. 113], читаемые предложения проговариваются про себя, и длина составляющих обуславливает расстановку пауз. Средняя длина причастных оборотов (как и ранее исследованных придаточных предложений) в русском языке достаточно велика (длина причастного оборота – в словах – обычно превосходит длину сложной именной группы, к которой относится), что обуславливает предпочтение РЗ. В случае же адъюнкта, выраженного предложной группой, действие этого фактора проявилось: в коротких предложных группах дискурсивный фактор обуславливал РЗ, а просодический фактор – ПЗ, в связи с чем мы наблюдаем распределение ответов на случайном уровне, а с увеличением длины адъюнкта наблюдается выраженное предпочтение РЗ.

Принцип предпочтения последнего не играет определяющей роли при интерпретации неоднозначных конструкций с адъюнктом в русском языке, так как ни для одного из рассмотренных нами адъюнктов в качестве предпочтительной интерпретации не выступает позднее закрытие.

Таким образом, для русского языка при интерпретации неоднозначных предложений с адъюнктом при сложной именной группе «по умолчанию» действует стратегия соотносить адъюнкт с вершиной именной группы, однако лексико-грамматические (одушевленность) и просодические (длина) факторы могут вызвать отступления от нее.

Список литературы

1. **Гладкий А. В.** Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М.: Наука, 1985. 144 с.
2. **Драгой О. В.** Разрешение синтаксической неоднозначности: правила и вероятности // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 44-61.
3. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
4. **Пускова М. В.** Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. 568 с.
5. **Фёдорова О. В., Янович И. С.** Об одном типе синтаксической многозначности, или Кто стоял на балконе // Сборник трудов Международной конференции «Диалог». М., 2004. С. 644-649.
6. **Bock J. K., Warren R. K.** Conceptual Accessibility and Syntactic Structure in Sentence Formulation // Cognition. 1985. Vol. 21. P. 47-67.
7. **Croft W.** Typology and Universals. 2nd edition. Cambridge University Press, 2003. 341 p.
8. **Cuetos F. & Mitchell D. C.** Cross-Linguistic Differences in Parsing: Restrictions on the Use of the Late Closure Strategy in Spanish // Cognition. 1988. 30. P. 73-105.
9. **Desmet T., Brysbaert M. & De Baecke C.** The Correspondence between Sentence Production and Corpus Frequencies in Modifier Attachment // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2002. Vol. 55A (3). P. 879-896.
10. **Fodor J. D.** Prosodic Disambiguation in Silent Reading // Proceedings of the North East Linguistic Society. Amherst: GSLA, University of Massachusetts. 2002. Vol. 32. P. 113-132.
11. **Frazier L. & Fodor J. D.** The Sausage Machine: A New Two-Stage Parsing Model // Cognition. 1978. Vol. 6. P. 291-325.
12. **Gibson E., Schütze C. & Salomon A.** The Relationship between the Frequency and the Complexity of Linguistic Structure // Journal of Psycholinguistic Research. 1996. Vol. 25. P. 59-92.
13. **Hemforth B., Konieczny L. and Scheepers C.** Principle-Based and Probabilistic Approaches to Human Parsing: How Universal Is The Human Language Processor? / Trost H. (Ed.) Tagungsband KONVENS, 1994. P. 161-170.
14. **Seckerina I.** The Late Closure Principle in Processing of Ambiguous Russian Sentences // The Proceedings of the Second European Conference on Formal Description of Slavic Languages. Germany: Universität Potsdam, 2003. P. 205-217.

THE INTERPRETATION OF SYNTACTICALLY AMBIGUOUS CONSTRUCTIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE: AN ADJUNCT AT A COMPLEX NOUN PHRASE

Chernova Dar'ya Alekseevna
Saint-Petersburg
d.chernova@spbu.ru

The article examines the problem of ambiguity while a syntactic analysis in the process of speech perception. Syntactically ambiguous constructions with an adjunct at a complex noun phrase, holding an interest from the point of view of translangual comparisons, are considered. The results of the experimental study by the material of the Russian language are presented: the role of a number of factors, conditioning the choice of this or that interpretation of syntactically ambiguous construction is demonstrated.

Key words and phrases: syntactic ambiguity; syntactic processing; adjunct at a complex noun phrase; participial construction; prepositional phrase.